

ПОМЯНЕМ. Жизнь после смерти

Размышляя над тем, отчего так безобразно живем, приходишь к неутешительному выводу: мы в большинстве до сих пор не научились уважать ни своего прошлого, ни настоящего. Пушкина и Лермонтова знаем лучше, чем Купалу и Коласа, первопечатником почитаем Ивана Федорова, а не Франциска Скорину, о Стеньке Разине поем, а о Кастусе Калиновском и песни не сложили. А чтобы дети наши еще скорее забывали о своих корнях, в школах отменили обязательный прежде экзамен по белорусской литературе.

У нас почти нет традиций, передаваемых из поколения в поколение (разумеется, не считая пьянства и мата), а ведь в этом и состоит суть культуры. Кто же станет с нами считаться, если мы друг другом помыкаем? Что же мы детям и внукам после себя оставим?

Если желаем жить по-другому, не по-европейски или по-американски — по-человечески, начинать надо со своей истории. В том числе с истории спорта, которую делали и делают люди, способные создать, добывать медальную руду во славу Родины, служить примером для новых поколений.

Сколь бы долго человек ни жил, его земной путь все равно короток. Но есть, к несчастью (а может быть, к счастью для них), и такие, чья жизнь промелькнула метеорно — ярко вспыхнув и погаснув, оставив кометный шлейф воспоминаний и острое чувство пустоты духовного пространства, которое никто за много лет так и не заполнил. Помянем же их!

Алексей Никанчиков: жизнь выше смерти

Первый в списке тех, кого мы непременно должны помянуть, великий шпажист Алексей Никанчиков, уход которого по своей парадоксальности не знает себе равных.

ИЗ ДОСЬЕ “ПБ”

Алексей НИКАНЧИКОВ. Родился 30 июля 1940 года в Москве. В Беларуси с 1958 года. Пятикратный чемпион мира по фехтованию на шпагах: в 1966, 1967, 1970 побеждал в личном турнире, в 1967 и 1969 — в командном. Вице-чемпион мира-69 (лично). Серебряный призер Олимпиады-68, ЧМ-66, -71, бронзовый — ЧМ-62, -65 (все — в команде). Многократный чемпион СССР. Заслуженный мастер спорта. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Обладатель Кубка Фейерика — высшей награды Международной федерации фехтования. Дважды — в 1966 и 1967 годах — признавался лучшим спортсменом БССР. Трагически погиб 30 января 1972 года.

Его сыну Владимиру сейчас всего 37, но он уже на шесть лет старше своего отца, покинувшего реальный для нас мир, едва перешагнув 30-летний порог. Гибель Алексея Никанчикова породила столько слухов, пересудов и домыслов, что однозначного ответа на вопрос о ее причинах нет до сих пор, хотя с момента той трагедии уже прошло три десятилетия. Но до того была жизнь, которая стоит того, чтобы о ней рассказать.

Секрет курочки и петушка

В семье администратора московского Дома кино Владимира Алексеевича Никанчикова и домохозяйки Веры Ивановны росли три сына — Анатолий, Алексей и Борис. Все как на подбор: высокие, статные. Младший был очень талантлив, после окончания МВТУ стал ученым, был лауреатом премии Ленинского комсомола, но рано запл.

Марк МИДЛЕР, двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира по фехтованию на рапирах, заслуженный тренер СССР: Леша Никанчиков начал заниматься фехтованием в “Юном динамовце” у замечательного тренера Раисы Ивановны Чернышовой, родной сестры знаменитого хоккейного тренера Аркадия Ивановича Чернышова. Она давала своим ученикам добротную техническую базу. Леша был мальчиком среднего роста. Однажды за три каникулярных месяца он вымахал сантиметров на 15. И Раиса Ивановна, желая ему добра, перевела “на шпагу”. Там площадь поражения тела больше, и высокий рост имеет большее значение, чем в рапирном фехтовании. Потом его пути пересеклись где-то с Германом Бокуном, и Леша переехал в Минск.

Диана НИКАНЧИКОВА, вдова, трехкратная чемпионка мира по фехтованию на рапирах в команде: Впервые я увидела Лешу в 1957 году в Смоленске на Всесоюзных студенческих соревнованиях. Леша стал победителем среди шпажистов, я — среди рапиристок. После соревнований Герман Матвеевич Бокун пригласил его переехать в Белоруссию. Еще спросил у меня и Аллы Конюховой: “Ну что, девчонки, берем этого парня?” Алла отозвалась: “Берем!” Вскоре Леша забрал документы из МВТУ имени Баумана (там он тренировался у Александра Перекальского), в котором учился на втором курсе, и приехал в Минск.

Встречаться мы стали не скоро. Я была девушкой гордой и относилась к нему с предубеждением: мол, приехал этакий московский петушок, девчонки за ним стаями бегают. А Лешу задевало то, что я одна на него не обращаю никакого внимания. Мы долго держались на расстоянии. Мной увлекались другие наши мальчишки, но мне нравился Леша, а я — ему. На сборах наблюдали друг за другом с помощью “шпионов”. Леша просил Володю Юферова: сходи посмотри, что Динка делает... Как-то после соревнований в Москве нужно было долго ждать поезда на Минск. Леша предложил: пойдём к нам, я тебя с мамой познакомлю. После того и стали встречаться.

Расписались в 1960-м втайне от всех, без свидетелей, не сказав ни его, ни моим родителям. Несколько месяцев об этом никто не знал. Но для оформления поездки в Польшу надо было сдавать Бокуну паспорта. Пришлось сказать ему о нашем браке, но я просила не разглашать секрета. Реакция его меня поразила: он чрезвычайно обрадовался. Бокун очень боялся, что Леша, окончив Институт физкультуры, вернется домой в Москву. Теперь же он успокоился, сообразив, что Никанчиков будет привязан к Минску.

А тайну нашу он все-таки разгласил. На параде закрытия чемпионата БССР, который мы оба выиграли, Герман Матвеевич объявил, что Диана Ясюкевич и Алексей Никанчиков сделали себе тем самым свадебный

подарок.

Союз пилы и вмятины

Д.НИКАНЧИКОВА: Леша до брака жил в общежитии. Потом мы перебрались во времянку на “болотной станции”, что на Комаровке. Печку натопим — дышать нечем, к утру остынет — дрожим от холода. Двухкомнатную квартиру в доме над “Алесей” получили в 66-м. Мы с сыном до сих пор в ней живем.

Уставали от сборов. В сборной СССР у нас семьи не было: Леша — в мужской команде, я — в женской. И так — большую часть года. Как-то раз так устали, соскучились друг по другу, что решили уехать в Сочи вдвоем, без друзей и приятелей. Сели в самолет, вдруг знакомые окликают... Но отдохнули мы тогда хорошо.

Леша пользовался огромным авторитетом. Неудивительно: он органично вписывался в любую компанию и при этом оставался человеком ответственным и серьезным. С моей мамой у них были замечательные отношения. Она его очень жалела. Мама в спорте толк знала, сама была в молодости чемпионкой республики в лыжных гонках. Когда после соревнований Леша возвращался худющим, уставшим, она отпаивала его рыбьим жиром. Леша запаха этого не переносил: заткнет нос руками, пьет, хохочет, обольется весь, потом смеется уже втроем. Я маме на Лешу жаловалась: то он не так сделал, это... А она мне отвечала: “Дина, не грехи, смотри, Вася Самусенко Таню и побить может, и выпивает, а она его все нахваливает. А ведь Леша никогда себе ничего подобного не позволяет”.

Жилось с Лешей легко. Он — спокойный, уравновешенный, вывести его из этого состояния было трудно. Но мне это иногда удавалось. А уж если его доведешь, в нем зверь просыпался. Как-то раз с досады так грохнул по холодильнику кулаком, что там вмятина осталась. Конечно, бывали у нас и ссоры, и размолвки. Как-то поехали вместе на восстановительный сбор. Вечерами парни собирались, играли в преферанс. Я оставалась одна. Так продолжалось несколько дней. Сказала об этом Леше, и следующие несколько вечеров мы провели вместе. А потом все повторилось. Я обиделась и уехала домой. А еще написала его матери письмо: вот, мол, как ваш сын со мной поступил. И получила от нее гневный ответ. Приезжает Леша, показываю ему письмо Веры Ивановны. Он успокаивает: Дина, это же мама, на нее нельзя обижаться. Все-таки после этой истории я не общалась с Лешиними родителями несколько лет. Потом все наладилось.

Вовка

Д.НИКАНЧИКОВА: Я очень оперой увлекалась. Помню, будучи беременной, вытащила Лешу на “Травиату”. Там во время спектакля впервые наш сынок “застучал”. Незадолго до родов Леша вернулся из Сухуми с какого-то турнира с огромным букетом ромашек! В роддом на улице Урицкого пришел такой счастливый, с друзьями и чуть-чуть навеселе. Я сердилась на него, а он все улыбался.

Сына назвали в честь Лешиного отца — Вовой. Вовку он любил безумно. Наказывать его не умел. Когда мы купили “Волгу” (по тем временам — событие!), сынок наш организовал во дворе детвору, и они развлекались, съезжая с крыши на капот. Поцарапали, конечно, изрядно. Я Вовку наказала, поставила в угол. А Леша ему долго и терпеливо объяснял, как долго мы зарабатывали деньги на эту машину, как нелегко она нам досталась. Подходит ко мне мой малыш в слезах, извиняется и повторяет все, что Леша ему втолковывал. Вовка его совершенно не боялся. Откроет кран, подставит под струю палец и направит ее на стенку. Отец говорит ему, говорит, а тот продолжает. Леша не выдерживает: “Дин, смотри, что Вовка делает, скажи ему!”

Тогда сына сдувало как ветром. Если я наказывала Вову, Леша не вмешивался даже тогда, когда был с этим не согласен. Но всегда говорил, что я его правильно воспитываю. Володя вырос очень похожим на Лешу: такой же высокий, сильный, интеллигентный.

Владимир НИКАНЧИКОВ, сын, чемпион СССР-87 по фехтованию на рапирах: Когда отца не стало, мне было 6 лет. В памяти осталось немного. Почему-то отчетливо запомнилось, как он с удовольствием ел большой ложкой мороженое, как, вернувшись из-за границы, привез мне красивый хромированный пистолет. Я его прятал под подушку и засыпал.

Учась в начальной школе, несколько лет занимался баскетболом у очень хорошего тренера Михаила Ивановича Бицана. Вместе со мной тогда начинал и Игорь Грищук. Я был высокий, игра мне нравилась, но в пятом классе под давлением мамы перешел на фехтование. Первые два года она меня тренировала, но от нагрузок сыночка берегла. Потому отдала Павлу Израилевичу Зеликману. Уже в 8-м классе я попал в финал чемпионата Минска среди взрослых и стал тренироваться вместе с братьями Романьковыми, Толкачевым, Силантиевым, Лапицким. Стал вторым на юношеском чемпионате СССР, а в 1987-м — чемпионом Союза в составе сборной Беларуси. Тогда в финале против москвичей я нанес золотой укол будущему олимпийскому чемпиону Шевченко. Ушел из фехтования, когда мне было 23.

Я не добился десятой, сотой доли того, чего достиг отец. Время другое, фехтование сильно изменилось, да и я, наверное, не такой, как он. Смотрел как-то телепередачу с участием Михаила Боярского. Он — из театральной семьи. Боярский сказал, что дети знаменитых родителей изначально обречены на то, что окружающие вольно или невольно меряют их родительской меркой. Мне это очень понятно. Там, где с других спрашивали чуть-чуть, с меня — по полной программе. Где других спокойно включали в команду, меня “поддушивали” даже тогда, когда по всем показателям я в ней должен был быть. В фехтовальной среде вообще сложные отношения. Возможно, потому, что этот вид спорта воспитывает изворотливость мышления, конечная цель которого — найти способ уколоть конкурента. Вот и колют, даже уйдя с дорожки.

Ничего, есть хорошие люди, помогшие найти свое место в жизни. В частности, Виктор Вацлавович Кононович. Я много лет работал в школе учителем физкультуры. И сейчас тружусь в сфере детского спорта.

Талисман

Д.НИКАНЧИКОВА: Хотя Леша в 1961 году стал чемпионом СССР в составе сборной Белоруссии, в союзную сборную первой взяли меня. Ему было обидно, но он перенес это внешне спокойно. Очень радовался моим успехам.

На чемпионате мира-61 в Италии мы выиграли командное первенство, а я заняла 7-е место в личных соревнованиях. Алексея включили в сборную СССР через год, в ее составе он защищал честь страны уже до самого конца. Я же то попадала в состав, то нет. Конкуренция была очень жесткой. Три места, как правило, занимали москвички, ученицы старшего тренера женской сборной Ивана Ильича Манаенко — Горохова, Растворова, Забелина. Регулярно была в составе и Таня Самусенко. Но, когда меня в 1962-м не взяли на чемпионат мира, наши проиграли. В 1963-м вместе со мной — победили. В 1964-м перед Олимпиадой я выиграла Кубок СССР, но мне не хватило каких-то пол-очка, чтобы быть включенной в олимпийский состав. В Токио взяли россиянку Шишову, которая проиграла там все, что могла. И наши уступили в финале золото венгеркам, с которыми я всегда хорошо фехтовала. Манаенко сказал мне: тебя надо всегда возить как счастливый талисман. И точно: в третий раз я выступала на чемпионате мира в 1966-м, и мы снова выиграли.

Но это — отдельная история.

Я как сына родила, в спорт решила не возвращаться. Набрала ведь 20 килограммов веса. Однако Бокун звал тренироваться, да и Леша хотел, чтобы я еще фехтовала. Стала вес гонять. В парке Горького бегала на горку и вниз, на горку и вниз. За месяц титаническими усилиями 10 килограммов согнала. Вдруг Герман Матвеевич недели за четыре до всесоюзного турнира сильнейших огорошил: “Все, Дина, у меня нет времени, переходи тренироваться к Ларисе Петровне (Л.П.Бокун, заслуженный тренер СССР и Беларуси. — “ПБ”). Завтра даю последний урок”. Я вспылила: “Не нужен мне ваш последний урок!”

Леша пошел к Бокуну, долго с ним толковал, вернулся и говорит: “Дина, Герман Матвеевич будет готовить тебя к чемпионату Союза”. Но теперь уже заартачилась я. Обратилась к Арнольду Чернушевичу (чемпион мира, бронзовый призер Олимпиады-60. — “ПБ”). С его помощью выиграла второй турнир сильнейших и вернулась в состав сборной команды. А вскоре стала в третий раз и чемпионкой мира. И на этом поставила точку. Надо было сына растить.

Белорусский триумф

Чемпионат мира, проходивший в Москве в июле 1966-го, оказался звездным для белорусского фехтования. Сильнейшим шпажистом стал Алексей Никанчиков, лучшей рапиристкой — Татьяна Самусенко, командное золото завоевала пятерка советских рапиристок, в числе которых были две минчанки — Диана Никанчикова и та же Самусенко. Юрий Смоляков занял 4-е место среди шпажистов, а в составе команды он и Никанчиков стали вице-чемпионами. Шесть медалей на четверых — выдающийся успех Германа Матвеевича и Ларисы Петровны Бокунов!

Юрий СМОЛЯКОВ, серебряный призер Олимпиады-68 и ЧМ-66 в команде: В финальную шестерку чемпионата мира мы с Лешей пробились вдвоем. Поединки между соотечественниками проводились в самом начале. Разминая нас к “междусобойчику”, Герман Матвеевич сказал, что я готов лучше. Это же заметил и Алексей. Но победа досталась ему — 5:4. Видимо, меня это надломило: из последующих трех боев выиграл только один. В последнем предстояло драться с поляком Гонсиором. Богдан просил меня “отдать” ему бой. В случае победы поляк догонял Никанчикова и француза Буркара. Тогда бы эта тройка выясняла в мини-турнире, кто какой медали достоин. Леша обычно неважно фехтовал против Богдана. Никанчиков высокий — 194 сантиметра, Гонсиор еще выше — 204. В Союзе таких бойцов не нашлось, потому Леше не на ком было “руку набить”. Я же, хоть и на 27 сантиметров ниже поляка, но вызвал его на растяжку, взял защиту и изловчился уколоть снизу. После моей победы Леше оставалось разобраться только с Буркаром, что он и сделал без большого труда — 5:2.

Д.НИКАНЧИКОВА: Леша и француз Буркар одержали в финале по 4 победы. Между ними назначили перебой за 1-е место. Я вообще Лешины бои никогда не могла спокойно смотреть — сильно переживала. Мое волнение передавалось ему. Ноля Чернушевич сказал мне: “Дина, когда ты в зале, Леша часто проигрывает”. Я вышла и с тревогой ждала известий. Операторы телевидения, снимавшие репортаж, сообщали мне счет боя. А я даже не могла смотреть на монитор. Наконец услышала: “Никанчиков победил!”

Хирон и Ахилл

Александр ФЕЛЬ, заслуженный тренер СССР и Беларуси, председатель Консультативного совета НОКа:

Должен сказать, что Бокун буквально вылепил из Леша Никанчикова великолепного фехтовальщика. Ведь некоторые черты Лешиного характера не вязались с представлением о чемпионе. В обычной жизни он был вяловатым, флегматичным парнем. Его и называли между собой — “теленок”. При этом никто не вкладывал в это прозвище что-то обидное. Как спортсмен Леша был безумно работоспособен, мог часами (часами!) совершенствовать какой-либо прием. У него была блестящая, филигранная техника.

Герман Матвеевич относился к нему не просто заботливо — как родной отец. Однажды он его отчитывал, по моему, за нарушение режима. Нет, Леша не был поклонником “зеленого змия”, его могли соблазнить Гришка Крисс, Юрка Смоляков... Лешка и не мог много выпить, он сразу “косел”. Так вот, Бокун его спрашивает: “Если я тебе прикажу прыгнуть с пятого этажа, прыгнешь?” — “Да не будете вы мне глупые приказы отдавать, вы же мне не враг”. — “Ну а если я все-таки прикажу, прыгнешь?” — “Ну ладно, прыгну”. — “Ну и молодец, потому что я всегда успею для тебя сетку натянуть!”

Это была своеобразная проверка на верность. Но Лешу и не надо было проверять. Это был очень чистый человек, готовый отдать товарищу последнюю рубашку. Когда он стал побеждать, знаменитые, влиятельные тренеры звали его в Москву, сулили блага. Но он и не помышлял о том, что можно уйти от Германа Матвеевича.

М.МИДЛЕР: Алексею повезло, что на его пути встретился Бокун, который заботливо его опекал. Повезло всему белорусскому спорту. В сборной СССР Бокун прикрывал белорусских фехтовальщиков своим авторитетом. Собственно, Леше и не нужно было никакого прикрытия. Грехов за ним никаких не числилось, не помню даже, чтобы он сквернословил. Он добросовестно тренировался, его не нужно было подгонять или проверять.

Герман Матвеевич максимально использовал заложенную Чернышовой техническую базу рапирного фехтования, обогатил ее новыми приемами, развил незаурядные физические данные Алексея и отточил его спортивный характер. Результат получился выдающийся.

Георгий ЗАЖИЦКИЙ, чемпион мира-69 и бронзовый призер Олимпиады-72 в команде: Как фехтовальщика Никанчикова сделал Бокун. Мировой был человек и замечательный тренер! По масштабу его можно сравнить только с такими глыбами, как Виталий Андреевич Аркадьев и Иван Ильич Манаенко. С виду Герман Матвеевич был грозный, но за устрашающим видом скрывался очень порядочный и честный человек. Бывало, едем на соревнования за границу. Деньги выделяли на врача, массажиста, на профилактику оружия и т.д. Однако тратилось не все. Оставшееся другие руководители, как правило, присваивали. Бокун же собирал нас и спрашивал: мы деньги на это тратили? Все: нет! Он с хитрецей: как нет — тратили! И раздавал всем поровну. И Леша такой же порядочный был. Как-то из-за травмы на Кубке чемпионов он не фехтовал, так от меня ни на шаг не отходил. Опекал, подсказывал, успокаивал.

Виктор СИДЯК, четырехкратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира по фехтованию на саблях: Бокун и Никанчиков — выдающийся тандем. После гибели Леша и Герман Матвеевич как-то потерялся. Такие удары не проходят бесследно...

“Он всех сливал в одну кружку”

Игорь СМУШКЕВИЧ, двукратный чемпион СССР по фехтованию на шпагах: Еще до приезда Леша

Никанчикова у нас была классная команда шпажистов. В 1956 году мы выиграли командный турнир I Спартакиады народов СССР, в 1958-м еще раз стали сильнейшими. Лидеры — призеры Олимпийских игр Чернушевич и Павловский, я был третьим номером. Никанчиков стал вытеснять меня из сборной. Помню, как было обидно, когда Бокун взял Лешу на турнир в Польшу вместо меня. Однако у нас всегда были замечательные отношения. Это был очень чистый человек с доброй душой, всегда приходивший на помощь в трудную минуту.

Противостоять ему на дорожке было крайне трудно. Я мог из 10 боев выиграть у Чернушевича 7 или 8, у Павловского — 5-6. Но если удавалось взять у Никанчикова 1-2 боя из 10, я бывал счастлив. Его защита казалась непробиваемой, а рука — железной. Физическая подготовка — отменная! Великолепно играл в футбол, баскетбол. Как-то на Кубе мы играли с местными баскетболистами. Леша блистал. Он был высок — 194 сантиметра, хорошо координирован, быстр, силен, обладал изумительной реакцией и безупречной техникой, глубоким тактическим пониманием фехтования. Не хватало еще одного ингредиента — психологического. Никанчиков был необычайно добродушен, а на дорожке надо быть по-спортивному злым. Герман Матвеевич терпеливо воспитывал у Леша психологию победителя. Когда этот процесс был завершен, ему в мире не стало равных.

Ю.СМОЛЯКОВ: Когда я в 1959-м поступил в ИФК, Никанчиков был уже на 2-м курсе. Впервые столкнулся с ним на дорожке в 1960-м на чемпионате Минска. Он выиграл у меня финальный бой и поздравил с первым успехом. Чернушевич и Павловский были постарше, к себе не подпускали. Никанчиков же взял шефство над мной. Тренировались мы самозабвенно. На стадионе “Динамо” по 2 часа гоняли в футбол один на один! И в баскетбол — так же. Мы с Лешей и Володей Юферовым в зале “раскатывали” в мини-футбол минских динамовцев. А какой Лешка щедрый был: показывал приемы, спокойно и терпеливо объяснял ошибки. У него уже тогда проявилась педагогическая жилка. Если бы его жизнь не оборвалась, он стал бы замечательным тренером...

Галина ГОРОХОВА, трехкратная олимпийская чемпионка, девятикратная чемпионка мира, президент Союза спортсменов России: Леша был высок ростом, очень силен физически и терпелив. Годы упорного труда (мы все тогда работали очень много) сделали его спортсменом высокого класса. Если на дорожке он захватывал руку соперника, тот уже не мог вырваться. Леша работал на контрастах, был чрезвычайно бдителен и аккуратен. Спокойный, уравновешенный в жизни, во время боя он преображался, буквально рычал. Можно сказать, “он всех сливал в одну кружку”.

В.СИДЯК: Фехтование на шпагах отличается от борьбы в других видах оружия наибольшей объективностью. В этом виде нельзя выигрывать, полагаясь на авторитет, как это бывало в сабельном фехтовании до введения электросабли. Поэтому победы Никанчикова имеют очень высокую цену.

Г.ЗАЖИЦКИЙ: Выиграв молодежный чемпионат СССР, я приехал в Балашиху на всесоюзный турнир сильнейших. Там мне показали большого дядю с широченными плечами. Это и был Никанчиков. И первый бой по жребию пришлось проводить именно с ним. Только начали — я сразу же его укол. Помню, подумал: тоже мне здоровяк! В последующие 20-25 секунд Никанчиков нанес мне пять безответных уколов! Фехтовать с ним было то же, что биться лбом в стену.

Фехтовальщики по своему психологическому складу — “убийцы”. По опыту тренерской работы в сборной СССР знаю: в зале, что в клетке с хищниками. Были такие ребята, которых, если без присмотра оставишь, обязательно подерутся всерьез. У Леша же этого и в помине не было. Удивительно: такой сильный фехтовальщик — и не “убийца”.

Григорий КРИСС, олимпийский чемпион-64, трехкратный чемпион мира по фехтованию на шпагах: Леша Никанчиков был шпажистом номер один в мировом фехтовании. Его отличали высочайшая техника и незаурядная физподготовка. К тому же он обладал замечательными физическими данными — высокий, мощный. Настоящий классик шпаги! В сборной СССР Леша был стержнем: за ним — как за каменной стеной.

Сергей ПАРАМОНОВ, чемпион мира-69 и бронзовый призер ОИ-72 в команде, заслуженный тренер СССР: Никанчиков и Крисс — антиподы в жизни и на фехтовальной дорожке. Леша символизировал вершину технического совершенства. Он не слыл быстрым, не был изощренным тактиком, не хитрил. Это все приоритеты Гриши. Никанчиков фехтовал настолько совершенно, тонко... Он стал подлинным эталоном того, что было накоплено в шпажном фехтовании до него. Образно говоря, Леша был последней вершиной монументального классического фехтования. Дальше оно развивалось по тому пути, которым шел Крисс.

Капитан советских мушкетеров

Г.ЗАЖИЦКИЙ: В первые годы его пребывания в сборной Союза к нему приклеилось незавидное прозвище “пассажир”. Однако об этом забыли в середине 60-х, когда Леша стал безапелляционно побеждать на чемпионатах мира. Его третья подряд победа должна была состояться в 1969-м в Гаване. В решающем бою с поляком Анджеевским Леша вел со счетом 4:2 и трижды наносил Богдану пятый, заключительный укол. Но судья под разными предлогами их не засчитывал и долго ощупывал Лешину шпагу. Просто не знали, как его остановить. А третье личное золото он взял в следующем году в Анкаре.

Игорь ВАЛЕТОВ, чемпион мира-69 и бронзовый призер ОИ-72 в команде: В команде шпажистов было два ярких лидера — Гриша Крисс и Леша Никанчиков. От них во многом зависел состав пятерки. И хотя капитаном был Леша, идеи исходили от Гриши. Крисс носился между всеми, что-то решал, с кем-то договаривался, но все предложения обязательно обсуждал с Лешей, хотя тот, по-моему, редко возражал. К примеру, кому-то нужно было попасть в финал, чтобы получить новое звание (Гриша много лет был армейцем), кому-то занять призовое место, чтобы получить квартиру, машину, что-то еще. Крисс распределял: кто, кому, на какой стадии должен отдать бой. Случалось, кто-то не соглашался, тогда он начинал новый тур переговоров. Если требовалось, Гришка и сам отдавал бои. Но это никогда не мешало ему доходить до финалов.

Леша, конечно, знал обо всем, что происходит, но его лично это не касалось. Думаю, ни у кого и мысли не возникало предложить Леше сдать бой. Это ведь надо еще и сделать умеючи, иначе может быть скандал, дисквалификация. А Леша был настолько искренним человеком, что на подлог не был способен. У него бы это не получилось натурально. И ему не нужно было, чтобы кто-то сдавал бои. Он сам был силен невероятно.

С.ПАРАМОНОВ: В 1969 году тренерский совет обновил команду шпажистов сразу на 60 процентов. Закончили выступления в сборной серебряные медалисты Олимпиады-68 Юрий Смоляков, Иосиф Витебский, Виктор Модзолеевский. В обойме остались только два признанных лидера мировой шпаги — Алексей Никанчиков и Григорий Крисс. Два абсолютно разных человека в жизни и с абсолютно разной манерой фехтования. Две суперзвезды, не желавшие уступать друг другу ни в чем. Новички — Георгий Зажицкий, Игорь Валетов и я были моложе лидеров на 4-5 лет (а это целая фехтовальная жизнь!) и не имели достаточного международного опыта. Формирование новой команды Леша воспринял как собственную проблему, и не только потому, что был ее капитаном. По-другому он просто не мог. Мы с Алексеем были близки друг другу почти во всем: в манере боя и понимании фехтования, достаточно спокойным и

уравновешенным поведением в жизни. Да и ростом мы вышли практически равными.

Чемпионат мира 1969 года проходил в столице Кубы Гаване. Леша ходил за нами буквально как нянька: “Не перекупайтесь в бассейне! Не перегрейтесь на солнце! Не ешьте экзотическую гадость типа лягушачьих ножек, улиток, устриц. Лучше — натуральный кусок мяса, это перед соревнованиями надежней”. А мы наоборот заказывали все более заковыристые блюда, благо ни за что не нужно было платить. Леша только что-то бубнил про себя и поджимал губы бантиком. Он всегда, когда был не согласен с чем-то или обижался, становился как ребенок, и даже губы поджимал, как это делают маленькие дети.

Перед командным турниром Бокун собрал нас и сказал, обращаясь к Никанчикову: “Леша, смотри, они еще пацаны. Все лежит на тебе. Как ты будешь фехтовать, так и они за тобой потянутся”. При этом Герман Матвеевич намеренно противопоставлял Никанчикова Криссу. Он часто так делал.

И Леша доказал, что он лучший боец в команде. В самом начале была у нас тяжелейшая встреча со сборной ГДР, состоявшей из опытных бойцов. Мы победили 8:6, причем Леша выиграл все 4 боя. Потом взяли верх над грозными шведами и олимпийскими чемпионами-68 венграми. Для нас, дебютантов, это было первое золото. Стоя на пьедестале, мы еще не верили, что это произошло. А Леша радовался умеренно: для него это было привычное место.

В следующем году на чемпионате в Анкаре он в третий раз выиграл личное первенство, а я стоял рядом на второй ступени. В 1971-м победил Крисс, а командой мы проиграли венграм. После были грандиозные планы подготовки к завоеванию олимпийского золота и трагический январь 1972-го. Для меня команда как единое целое перестала существовать с уходом Леша.

“Тюлень” из “Красной книги”

Г.КРИСС: Леша — человек уникальной порядочности. Бывало, на сборах в столовой стоит лишний стакан сока. Не притронется — вдруг кому-то не хватит.

Очень ранимый. На чемпионатах СССР постоянно конкурировали между собой сильнейшие в стране команды — Украины и Беларуси. Перед одним из таких финалов я, как капитан украинской сборной, собрал ребят и говорю: мы можем победить только в том случае, если не дадим Никанчикову выиграть все 4 боя. На первый бой выходим с Лешей друг против друга. При счете 0:0 я, будучи в метре от него, колю в пол. Электрофиксатор сработал, лампочка загорелась. Подхожу к Леше, говорю, извини, вот случайно ткнул в пол. Он вспыхнул: “Зачем ты это сделал?!” Обиделся и проиграл не только этот бой, но и еще один. Благодаря этому мы решили свою задачу.

Я ему: “Чего ты, тюлень, раскис, ведь счет был 0:0? А если так будет на чемпионате мира, и ты подведешь сборную Союза?” Вообще-то он быстро отходил, но в тот раз Леша не разговаривал со мной недели две. Если бы не эти мягкость и ранимость, если бы умел хитрить, психологически воздействовать на соперников, то он вообще бы лет десять близко к себе никого не подпускал.

Людмила РУСАК, чемпионка Спартакиады народов СССР: В 1971 году сборная Союза выступала на чемпионате мира в Вене. Тогда выезды за границу для рядовых людей были редкостью, не то что теперь. И,

конечно, каждый, кому выпала счастливая карта, старался привезти домой подарки. Денег у нас было немного, выбирали мучительно. В одном магазине увидела шикарный детский автомат, но слишком дорогой. Поняв мои сомнения, Леша, лучезарно улыбаясь, предложил: “Люда, смотри, какой красивый! Купи сыну”. И тут же достал из кармана недостающие деньги. Надо знать те времена, чтобы оценить Лешину щедрость.

Она проявлялась и в том, что он никогда не отказывал в просьбе провести тренировочный бой. Других не допросишься, особенно ребят-шпажистов. Всегда подробно объяснял ошибки, советовал, как лучше вести бой. Когда мы в баскетбол играли, девчонки, пытаясь отобрать мяч, на ребятах буквально висли. Парни в пылу борьбы могли сыграть резко и сказать что-нибудь крепкое, Леша же сгребал в охапку, аккуратно относил за площадку и при этом широко улыбался. После соревнований, особенно если результат его не устраивал, он подолгу анализировал свои бои.

Г.ЗАЖИЦКИЙ: Интеллигентный человек, сильный и в то же время легко ранимый. Большой, губастый. Когда обижался, губу, как ребенок, выпячивал, но уже через 10-15 минут широко улыбался. Зла долго не держал. Не умел ловчить. И не пытался шпагой незаметно чиркнуть в пол, как делали некоторые шпажисты. А вот его обманывали многие, пользовались Лешиной доверчивостью и ранимостью. Не знаю, как складывались их отношения с Диной, но, находясь на сборах и соревнованиях в Минске или в Стайках, я часто бывал у них в гостях и чувствовал себя там, как дома.

В.СИДЯК: Леша был словно взрослый ребенок: добродушный, доверчивый, наивный. Порой обижался по мелочам: на шутку, иронию, но никогда — по-крупному. Помню, в финале чемпионата СССР золото разыгрывали воспитанники Бокуна — Смоляков и Никанчиков. Юра Леше предложил: давай сделаем счет 4:4, а потом потянем время, тогда нам обоим золото присудят. Леша согласился. Но судейская коллегия решила для выявления чемпиона продолжить бой до первого укола. Повезло Юрию. А ведь если бы Никанчиков Смолякова не послушал, он, вероятнее всего, разнес бы его в пух и прах.

Со стороны

Г.ГОРОХОВА: Когда Никанчиковы поженились, это внешне никак не проявлялось. Казалось, что Дина (она была эффектной женщиной) вроде бы стесняется появляться вместе с Лешей. Во всяком случае, на сборах они долго жили порознь: Дина — с Таней Самусенко, Леша — с Юрой Смоляковым. Потом, когда Алексей стал побеждать, Дина перестала тушеваться. Он, конечно, во всем ее слушался — любил безумно.

Ростислав ЯНКОВСКИЙ, народный артист СССР и Беларуси: Мы — соседи. С одной стороны нашего балкона был балкон Никанчикова, с другой — Олега Янченко, известного органиста и композитора. Когда Леша с Диной возвращались с соревнований, часто собирались у нас, приходил футболист Ваня Савостиков. Олег садился за рояль и вдохновенно играл. Нередко мы перелезали друг к другу через балкон, хотя это — на 8-м этаже. Дина переживала, так как Леша очень боялся высоты. От этих ребят веяло энергетикой молодости, рядом с ними я сам становился моложе. Леша был великий спортсмен и необыкновенной доброты человек. Огромный, с по-детски оттопыренной нижней губой — его любили все, авторитет его был огромен. Дина — эффектная, своенравная женщина. Леше с ней иной раз бывало нелегко. В то же время всегда ощущалось их внутреннее слияние, единство.

Лев МАТУЗОВ, доцент кафедры хирургии Минского медицинского университета: В свободные или выходные дни собирались по-соседски вместе, выезжали на природу, иногда рыбачили. У каждого была напряженная работа, от которой нужно было на время отключаться. Леша в компании держался очень скромно. Не любил

шума, разговора на повышенных тонах. Мы, конечно же, знали о его выдающихся достижениях, но сам он никогда их не выпячивал. Человек, впервые попадавший в наш коллектив, и представить себе не мог, что этот спокойный, рассудительный парень — один из самых знаменитых спортсменов того времени. Общаться с ним было очень приятно.

Диана, конечно, была заметно горячее Леша. Когда они оба стали чемпионами мира, купили “Волгу”. За рулем чаще сидела Диана. Лихачила, за что ее неоднократно штрафовали. Леша же ездил всегда спокойно.

“Наступило затмение...”

Д.НИКАНЧИКОВА: В ту субботу Леша после тренировки поехал к Жене Жуйко, с которым они давно дружили. С ними были брат Жени и его девушка. Как это часто бывает между друзьями, беседа затянулась. Потом все вместе сели в Лешину машину и поехали в наш гараж. Братья вышли в магазин. Стоял холодный январь, морозы за 20 градусов. Потому Женя закрыл гараж, а в машине работал отопитель. Когда минут через 10-15 они вернулись, Леша и та девушка были уже мертвы. Для того чтобы угореть, достаточно и 5 минут. Братья были так напуганы, что сразу убежали. Все это время я ничего не знала. Переживала, потому что Леша впервые не ночевал дома... Рано утром его обнаружил Герман Матвеевич и его водитель Сергей. Вскрытие и экспертиза показали, что не было ничего такого, что могло бы бросить на Лешу тень.

В.НИКАНЧИКОВ: Когда отец умер, лестничные пролеты в подъезде были забиты вереницами людей: одни шли вверх, в нашу квартиру, другие спускались вниз. Я толком не понимал, что происходит. Меня отправили к соседям, к Янченко. Когда позвали прощаться, это было так дико...

В.СИДЯК: Смерть его получилась настолько нелогичной, не свойственной его личности... Он и близко не был ловеласом, не питал слабости к спиртному. Это просто крайне неблагоприятное стечение обстоятельств. Чтобы задохнуться угарным газом, довольно и трех минут...

И.СМУШКЕВИЧ: Знаете, что обидно? За несколько дней до трагедии Алексей заметил, как моя жена закрывает гараж, оставляя печку включенной — стояли сильные морозы. Он предупредил ее, что делать этого нельзя — можно угореть. Будто накликал...

Л.МАТУЗОВ: Касательно его смерти не надо строить никаких домыслов. Вскрытие проводили знакомые судебно-медицинские эксперты. По их словам, его было жалко вскрывать, настолько красиво и гармонично он выглядел.

Л.РУСАК: Его смерть получилась абсолютно противоположной его жизни. В сборной СССР у нас были продолжительные 24-дневные сборы 6-7 раз в году. Там были десятки спортсменов и тренеров, и укрыться от чьих-нибудь глаз было невозможно. Сразу было видно, кто к чему склонен. О Лешиной преданности Дине ходили легенды. Однажды в Сухуми ребята хотели спровоцировать его: сделать так, чтобы он оказался в постели с женщиной. Леша не клевал ни на какие провокации... Потому поверить в то, что некоторые говорят об обстоятельствах его смерти, невозможно.

И.ВАЛЕТОВ: Леша такой скромный, застенчивый, что сам он, конечно, никогда бы не завел роман с другой женщиной. Это могла быть только инициатива с другой стороны.

Г.КРИСС: Увидеть его с другой женщиной, флиртующим — такое даже теоретически невозможно было представить. Диана порой круто с ним обращалась, но он семьянин был идеальный. Поэтому, когда случилась эта нелепая смерть, никто из нас не мог в это поверить. Известие о Лешиной гибели застало нас в спортивном зале. Мы троим — я, Виктор Путятин и Сергей Быков — бросились в аэропорт и прилетели в Минск. Машеров не разрешил нести Лешу по Парковой магистрали. Нам об этом Бокун сказал. Но мы настояли на своем и пронесли его немного по улице. Было бы здорово, если бы в Минске проводились соревнования шпажистов памяти Бокуна и Никанчикова, учителя и ученика. Я обязательно привез бы украинскую команду.

Г.ЗАЖИЦКИЙ: Гибель Лешина для меня остается загадкой. Слишком много в ней нестыковок с реальностью. Леша был очень предусмотрительным человеком, он все наперед просчитывал. Даже в самолете садился у запасного выхода. Примерно за месяц до гибели на сборе Виктор Путятин, многократный чемпион мира среди рапиристов, поддел Лешу: “Ты, наверное, и машину в гараже не заводишь, руками на улицу вытаскиваешь”. — “Ну, наверное, иногда”. И мы рассмеялись. А тут Леша вроде бы сам включил отопитель. Странно. Дальше. Он никогда не пил портвейна, а, как я слышал, в машине нашли бутылки именно из-под портвейна. Все хорошо знали, что Леша Дине никогда не изменял, семья для него была святым. А тут будто бы это случилось. Даже если это допустить, никогда не поверю, что Леша с его предусмотрительностью мог сделать это рядом со своим домом. Ведь Дина, обеспокоенная его долгим отсутствием, вполне могла спуститься в гараж, чтобы поехать его искать...

Г.ГОРОХОВА: Вне дорожки Леша был увальнем, этаким теленком. Женщин всегда обходил стороной. Когда случилась эта трагедия, я сказала, что это как в анекдоте: мне не надо такси, я побегу за трамваем. В машине, с женщиной — это на него совсем не похоже. Возможно, у них с Диной в это время были какие-то трения, может, она “крутила хвостом”...

Очень жаль, что все так произошло. По-моему, в Беларуси хотели устроить соревнования его памяти, но ЦК это не разрешил. А эстонцы люди более независимые — они довольно долго разыгрывали приз памяти Никанчикова на турнире “Таллиннский меч”.

А.ФЕЛЬ: Из-за того, что Леша погиб в машине с женщиной, он сразу же стал для властей персоной нон грата. В захоронении Никанчикова на Московском кладбище было отказано, пришлось хоронить на Чижовском. Турнир памяти Никанчикова пытался пробить Бокун. Я сам, будучи вице-президентом федерации фехтования БССР, выступил с этой инициативой, однако наверху все эти предложения жестко обрубались.

Р.ЯНКОВСКИЙ: Алексея очень любили в моей семье. У меня до сих пор хранятся две шпаги — его подарки и подписанное им фото. Алексей Никанчиков остался в памяти таким, каким был в жизни — как солнышко, яркое, теплое солнышко. Когда его не стало, будто бы наступило затмение...

Д.НИКАНЧИКОВА: После его ухода я так и не встретила никого, кто мог бы его заменить. Потому, наверно, замуж больше не вышла. В Беларуси Алексея незаслуженно забыли. В Эстонии же долго проводился турнир “Таллиннский меч”. Больше десяти лет его организаторы, среди которых были Лешин товарищ по сборной Союза Жора Зажицкий, председатель федерации фехтования Эстонии Борис Карлович Вальдек, гостренер Тыну Нурк, приглашали меня на турнир. Там имя Никанчикова всегда произносили с большим уважением.

Г.ЗАЖИЦКИЙ: Уже не помню, кому в Таллинне первому пришла мысль учредить приз памяти Никанчикова. Леша трижды выигрывал “Таллиннский меч” и, без преувеличения, был любимцем участников и зрителей турнира. Приз его памяти вручался фехтовальщику, который проявил себя джентльменом на дорожке и вне ее. Именно таким и был Леша.

Жизнь после смерти

НЕКРОЛОГ В ЛОНДОНСКОЙ “ТАЙМС”.

“Алексей Никанчиков был самым идеальным шпажистом последних лет. Он должен стоять в ряду самых великих фехтовальщиков всех времен. Высокий, с крепко сложенной фигурой, он был чемпионом мира в 1966, 1967 и 1970 годах. Благодаря своим великолепным данным и уникальным способностям он привнес в фехтование на шпагах — самый непредсказуемый вид оружия — определенную возможность предвидения. По стилю Алексей Никанчиков — образец классического фехтовальщика. Его филигранные движения и техническое мастерство вызвали восхищение. Он был настоящим спортсменом и никогда не занимался жульничеством и показухой, которые процветают в современном спорте.

Трагедия лишила фехтование человека, который блистал на дорожке, а за ее пределами делал честь своей стране дружелюбным характером и учтивостью”.

Во времена “холодной войны” в одной из старейших и влиятельнейших буржуазных газет вышел посмертный панегирик советскому спортсмену. Советские же газеты обошлись без некрологов. В “Физкультурнике Белоруссии” и “Советском спорте” появились лишь короткие соболезнования, будто речь шла не о выдающемся спортсмене, звезде советского и мирового спорта, имя которого почти 10 лет не сходило со страниц спортивной прессы. И в течение последующих 29 лет (!) на воспоминания о Никанчикове будто бы наложили табу.

Причиной “беспамятства” послужили обстоятельства его смерти. Партийные боссы, жившие по законам двойной морали, присвоили себе функции господа. И всеобщий любимец при жизни после гибели превратился в изгоя.

Наконец, в прошлом году в “БДГ” вышел материал “Возвращение Алексея Никанчикова”. Его автор предложил президенту Белорусской федерации фехтования Дмитрию Шичко присвоить имя выдающегося мушкетера одному из турниров (это же предлагали в материале олимпийские чемпионы Виктор Сидяк и Григорий Крисс. Ответ был резко отрицательный. В последующих беседах президент БФФ и одновременно один из руководителей Минспорта смягчил позицию и обещал рассмотреть вопрос на президиуме.

Чтобы ускорить процесс, журналист обратился к народному артисту СССР Ростиславу Ивановичу Янковскому. Именитый актер оказался человеком щедрым на добрую память. Используя свои полномочия члена Совета республики Национального собрания, Янковский сделал запрос министру спорта и туризма Евгению Ворсину. Министр решил вопрос без проволочек.

Решением федерации приз памяти Никанчикова теперь разыгрывается в рамках чемпионата Беларуси. В

прошлом году прошел первый розыгрыш, в нынешнем — второй. Однако уровень организации этих турниров пока оставляет желать лучшего.

Мы приходим в этот мир и уходим из него не по своей воле. Потому никто из землян не обладает правом комментировать факты рождения и смерти. Мы можем оценивать только промежуток между ними, называемый жизнью. Этот отрезок бытия Алексей Никанчиков провел так же здорово, как фехтовальные бои. Жаль только, что сражение с жизнью оказалось коротким.

Пусть ты не хотел,

но все промчалось как в кино:

там ты не дошел,

а тут не выпито вино...

Но зовет нас путь,

подгоняя к ночи день...

Я сюда еще вернусь!

Мне бы только выбрать день...

Андрей Макаревич

Борис Гасман, «Прессбол»